

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: РАССКАЗ А.П. ЧЕХОВА "НА ПОДВОДЕ"

ПОХ Лариса, ст. преподаватель
(Бэлцкий госуниверситет)

Интерпретация литературного произведения так или иначе сопровождает аналитическое рассмотрение художественного текста, предваряя или заключая его анализ или же сопутствуя последнему.

Это понятие утвердилось в русском литературоведении с 20-х годов, однако лишь в 70-е годы оно обрело свою терминологическую определенность, в большой степени благодаря бахтинской теории искусства, в частности, обоснованной М.М. Бахтиным концепции диалогической активности интерпретатора, которая предполагает "духовную встречу" автора и читателя [1].

В современном литературоведении научность в сфере художественности характеризуется, с одной стороны, как устремленность к истолкованию того или иного художественного текста, а с другой, - к его анализу. При этом подчеркивается, что "аналитическая идентификация смысла никогда не посягает на замещение исследуемого текста, соотносится со своим объектом метонимически (по смежности), а не метафорически" [2, с.188].

В итоге аналитика художественной реальности понимается лишь как обнаружение границ адекватного понимания, так как интерпретатор не может претендовать на то, чтобы дать исчерпывающий понятийный эквивалент сотворенного художником. Его задача – провести разграничение "возможного и невозможного для данного художественного мира", установить правомерность одних исследовательских приемов по отношению к нему и неправомочность других [3, с.3-4].

На этом основании справедливо утверждается, что в самом произведении заключена объективная основа для правильной интер-

претации, а к деятельности интерпретатора "приложим Критерий истинности-ложности" [4].

Наконец, опираясь на бахтинское учение о диалоге, в художественном тексте исследуются "герменевтические указатели", которые насыщают любой художественный текст и являются теми "текстуальными моментами", которые соотносены автором "с общими условиями формирования смысла".

Указателями же их называют потому, что они определяют направления, на которых этот смысл складывается, и служат "знаками текстового самосознания", "векторами", указывающими возможности прочтения текста [5].

Рассказ А.П. Чехова "На подводе" (1897 г.) принадлежит к тем произведениям зрелой психологической прозы писателя, эстетическую доминанту которых нередко определяют как драматизм [6]. Действительно, драматична судьба героев "Дома с мезонином", "Супруги", "Скрипки Ротшильда", "Дамы с собачкой" и целого ряда других рассказов, созданных в этот период. Драматична и судьба Марьи Васильевны, сельской учительницы из Вязовья - героини рассказа "На подводе", чья жизнь устроена "до такой степени непонятно, что, как подумаешь, делается жутко и замирает сердце"[7].

В соответствии с художественным строем чеховского психологизма в структуре каждого из рассказов отсутствует сосредоточенность на каком-либо определенном психологическом типе, так как, концентрируя свое внимание на столкновении каждого человека с запутанной и сложной жизнью, в которой он не может ориентироваться, Чехов изображает людей, различных по своему социальному положению, характеру, профессии и даже возрасту. При этом фиксируется прежде всего момент "прозрения", эмоционального потрясения или "открытия", переживаемого героями его произведений.

Марья Васильевна *"из хорошей семьи. Осиротела. Пошла в учительницы по нужде. Дни за днями бесконечные вечера, без дружеского участия, без ласки; личная жизнь погибает; удовлетворения нет, так как некогда подумать о великих целях, да и не видать плодов..."* (с. 534). Данный эскиз к рассказу, очерченный в записной книжке писателя, получает свое художественное воплощение и завершение в каноническом тексте рассказа, смысл которого может быть прояснен с помощью герменевтических указателей. Некоторые из них привлекли наше внимание.

Начало рассказа: "*В половине девятого утра выехали из города*", - своей обыденностью не предвещает драмы. Однако уже следующее за ним описание прекрасного весеннего утра указывает на движение сюжета именно в этом, драматическом направлении, так как для Марьи Васильевны не представляли ничего нового и Интересного "*ни тепло, ни томные, ...прозрачные леса, ни это чудное, бездонное небо, куда, кажется ушел бы с такую радостью*" (подчеркнуто нами –Л.П.)(с. 335).

Последнее признание явно разграничивает душевное состояние героини и повествователя, который внушает читателю чувство сострадания к Марье Васильевне и невольной вины перед нею, а заодно и перед теми, о которых рассказчик скажет в дальнейшем: "*учителя, небогатые врачи, фельдшера при громадном труде не имеют даже утешения думать, что они служат идее, народу, так как все время голова бывает набита мыслями о куске хлеба, о дровах, плохих дорогах, болезнях*" (с.339). В данном случае мы сталкиваемся с герменевтическим указателем, согласно которому автор поручает высказать рассказчику бесспорную истину (она звучит "риторически" в структуре художественного повествования) и оставляет за собой право всем последующим развитием событий указать на сложность и неразрешимость самой жизни, которая всегда значительнее любой, даже самой верной идеи.

К такому пониманию авторской мысли приводят нас и "указатели", обозначенные дважды в начале и в конце рассказа: мотив весеннего пейзажа и мотив сна.

Первый, трансформируясь, усиливает тревожную тональность в движении сюжета: "*...теперь же, после половодья, это была река ... быстрая, мутная, холодная...*" и противопоставляется описанию природы в начале текста. Но и второй (мотив сна) также выступает в двух противоположных значениях. В начале рассказа ощущение "сна" соотносится с прошлым героини: "*Когда-то жили в Москве около Красных ворот, в большой квартире, но от всей этой жизни осталось в памяти что-то смутное и расплывчатое, точно сон*" (с.335).

В финальной части текста этот мотив соотнесен с неосуществимым будущим. На площадке одного из вагонов проходящего поезда Марья Васильевна увидела даму, похожую на мать, и отчетливо вспомнила квартиру, услышала игру на рояле, представила отца, брата, "*почувствовала себя как тогда, молодой, красивой, нарядной, в светлой, теплой комнате...И тогда чувство радости и счастья ох-*

ватило ее...". "Да ... никогда она не была учительницей, то был длинный, тяжелый, странный сон, а теперь она проснулась..." (с.342).

В конечном итоге, каждый из мотивов предстает в усложненном, психологически сдвоенном варианте, подготовив почву для восприятия сюжетной развязки как безысходной, трагической по своему содержанию: *"Марья Васильевна, дрожа, коченея от холода, села в телегу...*

- А вот и Вязовье. Приехали" (с.342).

Резюме

Герменевтические указатели, таким образом, позволили, с одной стороны, увидеть трагическое в рассказе, который традиционно трактуется как драматический, а с другой - открывают возможность прочтения чеховских рассказов, опираясь на "диалог согласия" с его автором.

Примечания

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М., 1979.
2. Тюпа В.И. Аналитика художественного. – М., 2001, с.188.
3. Катаев В.Б. Проза Чехова. – М., 1979, с.3-4.
4. Катаев В.Б. Проза Чехова. – М., 1979.
5. Александров В. Другость: герменевтические указатели и границы интерпретации.//*"Вопросы литературы"*, 2002, №6, с.92-97.
6. Тюпа В.И. Художественность чеховского рассказа. – М., 1989.
7. Здесь и далее цитаты из произведений Чехова даются по изданию: А.П. Чехов. Сочинения. – М.: Наука, 1985, т.1Х.